

Спивак И.А. АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ И МАГИ

Согласно зороастрийской традиции одно из «злодеяний» Александра, заключается в убийстве магов-жрецов (АВн, 1–3; Бд, XXXIII, 14). Примером может служить небольшое пехлевийское сочинение Абдих уд сахигих и Сагестан «Чудеса и достопримечательности Систана», авторство и датировка которого неизвестны [Tafazzoli, 1982, p.210]: «И царь Виштасп созвал здесь совет для испытания Заратуштры, и Сэн, сын Ахумстуда родом из Буста был первым учеником Заратуштры, кто имел сто учеников. Он проповедовал в Систане... наск за наском... Когда же проклятый Александр Румийский пришел в Эраншахр, то всех жрецов он хватал и убивал. Некоторые прибыли в Систан. Наск был у женщин, был и юноша, который знал наизусть Баган наск. И, таким образом, вера маздаяснийская вернулась в Систан... Что же касается других мест, кроме Систана, то там ее наизусть не помнили» (АС, 10–15). Отметим, что имеющиеся в нашем распоряжении античные источники только в одном случае говорят о прямом насилии по отношению к магам со стороны Александра: приведя в порядок разоренную гробницу Кира, «Александр велел схватить магов – сторожей могилы – и пытаться их, чтобы они назвали преступников, но они под пыткой и сами не повинились, и назвать никого не назвали; уличить сообщников оказалось невозможно, и Александр отпустил их» (Арриан, VI, 29, 11). Противоречия между сообщениями античных авторов и зороастрийскими источниками, породили разнообразие высказанных в историографии точек зрения по данному вопросу [Dhalla, 1938, p.293; Бертельс, 1948, с.11; Гафуров, 1955, с.65; 1972, с.97–98; Гафуров, Цибукидис, 1980, с.235–284; Шофман, 1977, с.116; Altheim, 1953, p.4; Косолобова, 2000, с.2994; Шахермайр, 1986, с.228; Бойс, 2003, с.121; Воусе, Grenet, 1991, p.12].

Для того, что бы выяснить отношение Александра к зороастрийскому жречеству, необходимо учесть все сообщения, прежде всего, античных источников. Согласно тексту Курция Руфа, первая встреча Александра с магами произошла в Вавилоне: «Много вавилонян стояло на стенах, ожидая скорее увидеть нового царя, еще больше их вышло навстречу... Затем шли маги, певшие по своему местному обычаю, за ними халдеи, не только вавилонские прорицатели, но и мастера со своими особыми инструментами. Первые обычно прославляли царей, другие указывали движение светил и установленные смены времен года» (Курций Руф, V, 1, 19–22). О торжественной встрече Александра в Вавилоне говорят практически все интересные нас авторы (Диодор, XVII, 64, 4; Арриан, III, 3–5). Интересно для нас сообщение Арриана: «Александр, вступив в Вавилон, приказал вавилонянам восстановить храмы, которые Ксеркс велел разрушить, в том числе и храм Бела, бога, особенно чтимого вавилонянами... В Вавилоне встречался он, конечно, с халдеями, выполнил все пожелания халдеев относительно Вавилонских храмов и принес, между прочим, жертву Белу по их указаниям» (Арриан, III, 3–5). О приказании Александра отстроить разрушенную «гробницу Бела» сообщает Страбон (XVI, I, 5). Нет сомнений, что под «гробницей Бела» следует понимать знаменитый вавилонский храм Эсагилу с его зиккуратом, построенный, согласно «Энума элиш», богами для Мардука [Ранович, 1950, с.62; Хук, 1991, с.37]. О том, что Александр действительно намеривался возродить Эсагилу, свидетельствует и то, что: «В клинописных документах конца IV в. до Р. Х. упомянут налог, выплачиваемый частными лицами на восстановление Эсагилы» [Дандамаева, 1990, с.8]. Таким образом, несмотря на то, что при въезде в Вавилон, Александра наряду с халдеями встречали и маги, которые даже зажгли в его честь священные огни [Шахермайр, 1986, с.170], македонский царь облагодетельствовал первых и игнорировал вторых. Существенно то, что отношение Александра к вавилонским жрецам не изменилось и после завоевания Персиды. Плутарх рассказывает, что перед походом в Индию случилось следующее: «...овца принесла ягненка, у которого на голове был нарост, формой и цветом напоминающий тиару... У Александра это знамение вызвало такое отвращение, что он пожелал очиститься от скверны. Обряд совершили вавилоняне, которых царь обыкновенно призывал к себе в подобных случаях» (Плутарх, Александр, LVII). Политика Александра в этом отношении была продолжена Селевкидами: «Селевкиды покровительствовали вавилонской религии как оплоту против религии Зороастра...главной слабостью, приведшей к падению Селевкидской державы, было ее неумение обеспечить сотрудничество с иранскими элементами...» [Тарн, 1949, с.132–133].

Следующая встреча Александра с магами произошла у гробницы Кира. Кроме Арриана о посещении Александром гробницы, правда, без упоминания магов, рассказывают Плутарх (Александр, LXIX) и Курций Руф (X, I, 30–32). Следует выделить рассказ Аристобула, сохраненный Страбоном: «По повелению царя, сообщает Аристобул, он проник внутрь через этот вход и украсил гробницу. Он увидел там золотое ложе, стол с кубками, золотой саркофаг и множество одеяний и украшений с драгоценными камнями... впоследствии гробница подверглась разграблению... Гробница была разграблена, несмотря на приставленную к ней охрану магов, которые получали на содержание ежедневно по овце и ежемесячно – лошадь» (Страбон, XV, III, 7). Слова Страбона о том, что по распоряжению Александра маги у гробницы Кира «получали ежедневно овцу и положенное количество муки и вина и каждый месяц лошадь для жертвоприношений Киру», подтверждает Арриан (VI, 29, 7). Приведенные свидетельства показывают, что и в эпизоде с гробницей Кира, как и при въезде в Вавилон, Александр проявлял полное равнодушие к магам и их учениям. Описанный Аррианом случай насилия над магами легко объясним потребностями следствия. Маги здесь выступают скорее как нерадивые сторожа, чем как зороастрийские жрецы.

Еще раз мы встречаем магов рядом с Александром после его возвращения из Индии. По сообщению Арриана, Александр, справившись с мятежом в войсках, устроил пиршество в городе Опис: «Александр за это принес жертву богам, какие у него были в обычае, и устроил пиршество для всех, за которым сидели: он сам, вокруг него македонцы, рядом с ним персы, а за ними прочие иноплеменники, чтимые за свой сан или какие-либо заслуги. Александр и его сотрапезники черпали из одного кратера и совершали одинаковые

возлияния, которым предшествовали обрядовые действия, совершаемые эллинскими прорицателями и магами. Молились о ниспослании разных благ и о согласии и единении царств македонского и персидского» (Арриан, VII, 11, 8–9). Совершенно справедливыми представляются замечания А.С. Шофмана по поводу того, что у нас нет оснований вслед за А. Пальяро расширенно толковать слова ὁμόνοια (единомыслие, согласие) и κοινώνια (общность, соединение), а также относительно того, что: «маги по религиозным причинам не могли совершать иного возлияния, кроме как по правилам своих обрядов и в честь своего божества [Шофман, 1977, с.117]. Действительно, вопреки рассказу Геродота, согласно которому у персов «нет ни возлияний, ни игры на флейте...» (I, 132), о жертвенной практике возлияний у магов известно из текста Страбона, который говорит, что маги: «...произносят заклинания, совершая при этом возлияния оливковым маслом, смешанным с молоком и медом, но не в огонь или воду, а на землю» (XV, III, 14). Отметим, что Александр не чинит над магами никакого насилия, напротив, маги находятся на службе при войске царя. Таким образом, отношение Александра к магам менялось от полного равнодушия к ним в Вавилоне до привлечения их на службу в Описе.

Неоправданным при внимательном прочтении источников является следующий вывод: «Антимакедонское движение, особенно в восточных областях персидского государства, которое нередко принимало религиозную окраску, не оставляло Александру путей к примирению с зороастрийским жречеством» [Шофман, 1977, с.116]. Действительно, у нас нет оснований для вывода о том, что антимакедонское движение народов Восточного Ирана вдохновлялось религиозной идеологией зороастризма. Более того, внимательное прочтение источников приводит к прямо противоположному выводу, по крайней мере, для первого этапа антимакедонского движения в Средней Азии. Действительно, рассказывая о пире, устроенном Бессом, Курций Руф сообщает: «Присутствовал на том пиру мидиец Кобар, известный более приверженностью к искусству магии (если только это искусство, а не обман пустых людей), чем знанием ее, впрочем, человек скромный и честный» (VII, 4, 8). Возбудив ненависть Бесса данным ему советом, содержание которого находится в полном соответствии с нравоучительными традициями зороастрийской литературы [Буссе, Grenet, 1991, p.5], Кобар перебежал на сторону Александра (Курций Руф, VII, 4, 9–19). Бегство Кобара к Александру должно означать, во-первых, то, что македонский царь не проводил политики преследования магов и сторонников их учения, во-вторых, то, что сопротивление греко-македонским войскам со стороны Бесса и его окружения не базировалось на религиозных мотивах. Такой вывод находит косвенное подтверждение и при анализе мероприятий Александра, направленных на примирение с местной знатью. Политика сближения с ней, как известно, включала в себя: отказ от практики разграбления укрепленных центров, прекращение уничтожения семей вождей восстания, призыв в армию согдийцев и бактрийцев, содержание сыновей из знатных семей в лагере Александра, женитьбу Александра на дочери Оксиарта Роксане [Holt, 1988, p.67–68]. Как видно, среди перечисленного нет мероприятий, направленных на сближение с магами или иными категориями среднеазиатского жречества, следовательно, жрецы не играли сколько-нибудь существенной роли при организации сопротивления греко-македонским войскам в Бактрии и Согдиане.

Все утверждения обратного, так или иначе, строятся на допущении о неполноте наших источников [Гафуров, Цибукидис, 1980, с.261]. Ярким примером подобного подхода может служить монография М. Бойс и Ф. Грене, в которой авторы, разделяя взгляд зороастрийской традиции на то, что Александр убивал жрецов, вынуждены прибегать к выражениям: «может быть», «весьма вероятно», «по аналогии с...» и т.п., чтобы заполнить молчание источников [Буссе, Grenet, 1991, p.14–15]. Повторим, что: ни в одном дошедшем до нас тексте, кроме достаточно поздних зороастрийских источников, нет указаний не только на враждебное отношение Александра к магам, но и на враждебное отношение магов к Александру.

Главным аргументом, снимающим обвинение с античных авторов в предвзятости и неполноте, является то, что они, ничего не сообщая об убийстве магов, открыто говорят о репрессиях Александра по отношению к индийским брахманам [Гафуров, Цибукидис, 1980, с.309]. «Он взял и другой город, восставший в это время, а брахманов (это индийские мудрецы), зачинщиков этого восстания, велел казнить» (Арриан, VI, 16, 5). «Не меньше хлопот доставили Александру индийские философы, которые порицали царей, перешедших на его сторону, и призывали к восстанию свободные народы. За это многие из философов были повешены по приказу Александра» (Плутарх, Александр, LIX). В другом месте Плутарх сообщает, что Александр, схватив брахманов с целью казнить, устроил между ними состязание, заставив их отвечать на вопросы, после чего отпустил их (Плутарх, LXIV–LXV). О бедствиях, постигших брахманов, сообщает Диодор (XVII, 102).

Наряду с этим широко известны рассказы о благожелательном отношении Александра к индийским мудрецам (Арриан, VII, 1–2; Страбон, XV, I, 61, 63–64, 68). Сюжет о встрече Александра с индийскими мудрецами впоследствии получил широкое распространение [Бонгард-Левин, 2002а, с.7; Костюхин, 1972, с.48]. Здесь, вероятно, следует учесть тот факт, что в античной традиции нашло отражение существование двух основных религиозно-философских направлений в духовной жизни Индии – реформаторского (Σαρμάναι) и ортодоксального (Врахμάναι) [Бонгард-Левин, 2002б, с.192]. Вероятно, репрессии Александра были направлены, прежде всего, против тех философов, которые находились наиболее близко к государственной власти. Из рассказа Неарха следует, что: «Часть брахманов занималась государственными делами, сопровождая царей в качестве советников (Страбон, XV, 1, 66). На фоне столь подробных сообщений источников о дифференцированном отношении Александра к представителям различных религиозно-философских направлений Индии еще более загадочно выглядит их скупость в отношении персидских магов. М. Бойс и Ф. Грене полагают, что причина этого в большом уважении, которое испытывали эллины к магам, а потому вполне понятно нежелание античных авторов акцентировать внимание на противоречиях между Александром и магами [Буссе, Grenet, 1991, p.15]. Такое объяснение предполагает неуважительное отношение эллинов к индийским мудрецам. Так ли это? Источники свидетельствуют о том, что для античных авторов не существовало принципиальной разницы между персидскими магами и индийскими мудрецами.

Уже Страбон писал: «Действительно, индийские философы общаются с царями, наставляя их в почитании богов подобно магам у персидских царей» (XV, 1, 68). Еще более показательны высказывания Диогена Лаэртского о начале философии: «...у персов были их маги, у вавилонян и ассирийян – халдеи, у индийцев – гимнософисты, у кельтов и галлов – так называемые друиды и семнофеи» (I, 1). «Дион Хрисостом, упрекая своих соотечественников, всячески превозносит обычаи индийцев как самого счастливого на земле народа. Индийские брахманы, по его словам полны справедливости и любви к божественному, они владеют источником истины» [Бонгард-Левин, 2002б, с.198]. Флавий Филострат в «Жизнеописании Аполлония Тианского» дает еще более лестные отзывы о мудрости брахманов (II, 27, 33; III, 15; VI, 11). Особенно важно, что сочинение Флавия Филострата, учитывая его жанровую особенность, отразило наиболее распространенные представления античного мира. С этой точки зрения показателен отрывок, в котором повествуется о встрече Аполлония с главой брахманов Иархом: «Прочитавши послание, Иарх спросил: «Что вы, эллины, думаете о нас, Аполлоний?» «Стоит ли спрашивать, – отвечив тот, – когда именно ради вас совершил я путешествие, в какое доселе не пускался ни один мой соотечественник?» – «О чем же, по-твоему, знаем мы лучше тебя?» – «Я полагаю, что мудрость ваша божественнее и совершеннее, а потому, даже если не узнаю от вас ничего для себя нового, то, по крайней мере, пойму, что ничему больше учиться не должен» (III, 16). О равнозначности в глазах Плотина мудрости магов и индийцев свидетельствует Порфирий: «С этого дня он уже не отлучался от Аммония и достиг в философии таких успехов, что захотел познакомиться и с тем, чем занимаются у персов, и с тем, в чем преуспели индийцы» (Жизнь Плотина, 3). Наконец, Аммиан Марцеллин сообщает о зависимости учения магов от учений индийских мудрецов: «В древние времена многое из этой науки значительно распространил из халдейских тайных учений бактриец Зороастр, затем царь Гистасп, мудрейший отец Дария. Смело проникнув в неведомые области верхней Индии, прибыл Гистасп в уединенное лесное место, в спокойной тишине которого жили только брахманы, обладатели возвышенной мудрости. Под их руководством он постиг, насколько был в силах, законы мирового движения, течения звезд и чистые обряды священнодействий. Из того, что он усвоил, передал он кое-что магам, а эти последние из поколений в поколении передают это дальнейшим векам вместе с наукой предугадывания будущего (XXIII, 6, 32–33). Из сказанного ясно, что среди эллинов мудрецы Индии пользовались ничуть не меньшим уважением, чем персидские маги.

Таким образом, мы вынуждены вновь вернуться к вопросу о молчании наших источников по поводу тех преследований, которым Александр якобы подверг магов. Объяснить это молчание можно, если признать, что никакой политики, направленной на уничтожение зороастрийского жречества, Александр не проводил. Большая часть жрецов погибла во время военных действий, и во время сопутствующих им грабежей. Истоки легенд об уничтожении Александром магов, вероятно, следует искать в сасанидском Иране, когда зороастрийскому жречеству потребовалось историческое обоснование своего привилегированного положения. Подтверждением этого предположения является то, что особые заслуги в возрождении маздаяснийской веры, приписываются жрецам Систана (АС, 10–15) [Bailey, 1943, p.161], что, как показали исследования Г. Ньюли, связано с особой ролью Сагестана, наряду с Парсом, в организации сасанидской «религиозной пропаганды» [Ньюли, 1993, с.9–13].

Источники и литература

1. Аммиан Марцеллин. Римская История / Пер. Ю. Кулаковского, А. Сони, Л. Лукомского. – СПб.: Алетейя, 1994. – 559 с.
2. Арриан. Поход Александра / Пер. М. Е. Сергеенко. – М.: Миф, 1993. – 272 с.
3. Бертельс Е. Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. – М.;Л.: АН СССР, 1948. – 186 с.
4. Бойс М. Зороастрийцы: верования и обычаи / Пер. с англ. и прим. И. М. Стеблин-Каменского. – СПб.: Азбука-Классика; Петербургское Востоковедение, 2003. – 352 с.
5. Бонгард-Левин Г. М. Индия в античной литературе // Бонгард-Левин Г. М., Бухарин М. Д., Вигасин А. А. Индия и античный мир. – М.: Восточная литература, 2002. – С. 4–16.
6. Бонгард-Левин Г. М., Бухарин М. Д. Индийские походы Диониса и Геракла в античной литературной традиции // Бонгард-Левин Г. М., Бухарин М. Д., Вигасин А. А. Индия и античный мир. – М.: Восточная литература, 2002б. – С. 138–190.
7. Бундахишн // Зороастрийские тексты / Издание подгот. О. М. Чунаковой. – М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 1997. – С.265–312.
8. Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток. – М.: Наука, 1980. – 456 с.
9. Гафуров Б. Г. История таджикского народа. – М.: Изд-во Политической литературы, 1955. – Т.1. – 544 с.
10. Геродот. История / Пер. и прим. Г. А. Стратановского. – М.: Ладомир, 1993. – 600 с.
11. Дандамаева М. М. Некоторые аспекты истории эллинизма в Вавилонии // ВДИ. – 1990. – №4. – С. 3–26.
12. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. XVII / Пер. М. Е. Сергеенко // Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. Прил.: Сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре / Отв. ред. А. А. Вигасин. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – С.276–347.
13. Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. Прил.: Сочинения Диодора, Юстина, Плутарха об Александре / Отв. ред. А. А. Вигасин. – М.: МГУ, 1993. – 464 с.
14. Книга о праведном Виразе // Пехлевийская божественная комедия. Книга о праведном Виразе (Арта Вираз намак) и другие тексты / Введ., транслитер. пехлевийских текстов, пер. и комм. О. М. Чунаковой. – М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2001. – С.95–165.
15. Косолобова Е. В. С. А. Жебелев. Александр Великий. Комментарий // Александр Великий в Легендах и исследованиях Востока и Запада. – М.: Алетейя, 2000. – С.289–303.

16. Костюхин Е. А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. – М.: Наука, 1972. – 160 с.
17. Ньюли Г. Парс и Сагестан в сасанидской религиозной политике // ВДИ. – 1993. – №4. – С.9–13.
18. Плутарх. Александр и Цезарь // Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2-х тт. / Пер. М. Ботвинника и И. Перельмутера. – М.: Правда, 1987. – Т. 2. – С. 361–436.
19. Порфирий. Жизнь Плотина // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М. Л. Гаспарова; под общ. ред. А. Ф. Лосева. – М.: Мысль, 1979. – С.462–476.
20. Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. – М.;Л.: АН СССР, 1950. – 382 с.
21. Страбон. География в 17 кн. / Пер., ст. и комм. Г. А. Стратановского; под общ. ред. С. Л. Утченко. – М.: Ладомир, 1994. – 944 с.
22. Тарн В. Эллинистическая цивилизация / Пер. с англ. С. А. Ляковского. – М.: Иностранная литература, 1949. – 372 с.
23. Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского / Пер., ст., прим. Е. Г. Рабинович. – М.: Наука, 1985. – 328 с.
24. Хук С. Г. Мифология Ближнего Востока / Пер. с англ. А. С. Рапопорт. – М.: Наука, 1991. – 184 с.
25. Шахермайр Ф. Александр Македонский / Пер. с нем. М. Н. Ботвинника, Б. Функа. – М.: Наука, 1986. – 384 с.
26. Шофман А. С. Религиозная политика Александра Македонского // ВДИ. – 1977. – №2. – С.111–121.
27. Abdih ud sahih I Sagestan // Jamasp Asana J. M. The Pahlavi Texts, contained in the codex MK. Copied in 1322 A. C. by the Scribe Mehr-Awan Kai-Khusru. – Bombay: Fort Printing Press, 1913. – Vol. II. – P.25.
28. Altheim F. Alexander und Asien. Geschichte eines geistigen Erbes. –Tübingen, 1953. – 320 s.
29. Bailey H. W. Zoroastrian problems in the ninth century books. – Oxford: Oxford University Press, 1943. – 397 p.
30. Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. Vol. III: Zoroastrianism under Macedonian and Roman rule. – Leiden; New-York; Köln: E. J. Brill, 1991. – 596 p.
31. Dhalla M. N. History of Zoroastrianism. – New York: Oxford University Press, 1938. – 512 p.
32. Holt f. L. Alexander the Great and Bactria. – Leiden, 1988. – 114 p.
33. Tafazzoli A. Abdih ud Sahigh Sagastan // EIr. – Vol. I – Fasc.1. – 1982. – P.210.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВн – Арта Вираз намак «Книга о праведном Виразе»
 АС – Абдих уд сахигих и Сагестан «Чудеса и достопримечательности Систана»
 Бд – Бундахишн «Сотворение Основы»
 ВДИ – Вестник древней истории (Москва)
 Eir – Encyclopedia Iranica (London; New York)

Утробин Ю.А.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О НАЧАЛЬНОМ ПЕРИОДЕ ИСТОРИОГРАФИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В КРЫМУ (1944–1947 гг.)

Проблемы военной истории никогда не были обделены вниманием исследователей. Это касается и истории Великой Отечественной войны в Крыму.

В советский период большинство издаваемой литературы представляло собой или художественные произведения (художественно-документальные повести), или мемуарную литературу. Собственно научных работ практически было не много. После распада Советского Союза рухнула цензура, приоткрылись архивы (хотя архивы бывшего КГБ так и остались недоступны широкому кругу исследователей), появилась возможность изучения ранее закрытых тем. Издаётся большое количество научных и псевдонаучных работ, которые нуждаются в историографическом исследовании.

В историографии истории Великой Отечественной войны в Крыму можно выделить один из самых малоизученных периодов – начальный. Он связан с деятельностью Крымской Комиссии по истории Великой Отечественной войны.

Комиссия начала свою деятельность 31 августа 1943 года, т.е. ещё до освобождения Крыма, и завершила её 15 июня 1947 года. Комиссия была структурным подразделением Центральной Комиссии при АН СССР (председателем последней её был начальник управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф.Александров) [1].

Крымскую Комиссию возглавлял секретарь по агитации и пропаганде ОК ВКП(б) П.А.Чурсин, заместителем председателя был И.А.Козлов, ответственным секретарём – Р.М.Вуль. В деятельность входило не только сбор и обработка материалов о войне в Крыму, издание сборников брошюр, но и рецензирование всей готовящейся к изданию литературы, в том числе и издания политического управления Черноморского флота. Хотя Комиссия была не единственным рецензирующим органом, но здесь давалась научная, идеологическая и литературная характеристика работам, которым предстояло издание. Работая с фондами Государственного архива Автономной Республике Крым (ГААРК), удалось выявить следующие работы, которые по тем или иным причинам либо вовсе не увидели свет либо были изъяты из обращения:

1. Г. Даниловский. Черноморцы в Великой Отечественной войне. – Политическое управление ЧФ, 1946. – 76 стр.
2. Очерк Туровского о деятельности комсомольской молодёжной подпольной организации в Крыму.
3. Рукопись полковника Я.К.Блох «3-й Сталинский удар. Разгром немцев в Крыму».
4. Сборник «Крымские партизаны», намеченный к изданию в 1947 году в Крымской Комиссии.